

* * *

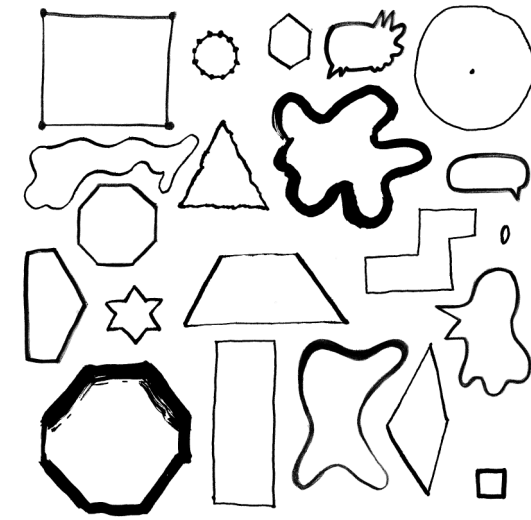
Купили с мамой кофту, как я хотела. Она клевая, но зачем-то там пришиты такие петли, которые все время вылезают. И мне все постоянно о них говорят. Я хотела их отрезать, а мама не дала, говорит, будет падать с вешалки. А по-моему, важнее, чтоб одежду было удобно носить, а не чтоб она хорошо висела на вешалке.

23 сентября

На одной планете у людей были специальные петельки, чтобы их тела в магазине тел могли не падать с вешалок. Они не были больше ни для чего нужны. Но люди без таких петелек отличались от других, и это считали уродством.

Пишу вот всякую чушь, хочется уже что-то стоящее написать. Книгу, может.

Мама ужинать зовет.

* * *

Я придумала, про что писать книгу! Так случайно получилось. Села за геометрию, и тут мне позвонила Вероника. Я бы не сказала, что мы с ней дружим. Просто в начальной школе на хор ходили вместе, я тогда еще в музыкалке училась. Наши мамы нас по очереди пасли после уроков и до хора.

Она мне поэтому иногда звонит. Мне это даже приятно, хотя я ей сама никогда не звоню. Обычно она спрашивает, как решать математику. Почему-то считается, что девочка и математика — это две вещи противоположные. А я вот люблю математику, да и физику, пожалуй. Там все понятно: взял формулу и посчитал.

А школьные сочинения я ненавижу! Ничего действительно умного я не могу написать. Поэтому я сижу и пол-урока грызу ручку. А в конце все-таки

что-то пишу, не получать же два. Но в итоге я пишу не свое, а просто повторяю чужие мысли чужими словами. Мне даже ставят за это четыре или пять, но мне все равно стыдно и противно.

Ну так вот, мне позвонила Вероника, спросила, как матику решать. Я ей пообещала сфоткать и скинуть в Вотсап. И мы еще поболтали немного. Она спросила, как мне новый географ. А потом спросила, как мне Логинов. Тут я поняла, что ради этого она и звонила.

Логинов — это звезда нашего класса. В прошлом году у нас был конкурс в стиле рок-концерта, он там очень круто спел и вышел в финал и даже занял второе место в школе. Я только тогда и узнала, что он вообще играет на гитаре. С тех пор все девчонки на нем помешались. И даже старшеклассники с ним на переменах здороваются.

Я никогда и не мечтала оказаться с ним за одной партой. У него расписание, с кем он на каком уроке сидит. Серьезно. На физике с Маргошей, на истории с Леной, а у Вероники как раз география была. Но новый географ взял и всех перерассадил по-своему, «чтоб мы поменьше болтали», а меня вдруг с Логиновым — за первую парту.

Это расписание установилось еще в конце прошлого года. Все началось как бы в шутку, когда мы в столовке за обедами стояли. Маргоша подошла к Логинову и сказала таким дурашливым голосом:

— Матве-ей, можно я с тобой на математике сяду? А то у меня тройка выйдет итоговая, и меня без карманных денег оставят. А Ефремов сам умный, без тебя справится. Правда, Ефремов?

Ефремов прям покраснел оттого, что Маргоша удостоила его своим вниманием, и закивал.

— Давай! — согласился Логинов. — Тогда я на литре с Олей Клейн должен сесть.

Олю обычно все называют Клей, еще с начальной школы. Даже я. Сложно что-то изменить, когда все вокруг так говорят.

— Что, со мной? — Оля от неожиданности чуть поднос не выронила, то ли оттого, что ее Олей назвали и фамилию правильно произнесли, то ли оттого, что сам Логинов ее удостоил вниманием. — Ладно, садись.

— А у меня по истории пять, — вставила Ленка.

— Отлично, записываю, — Логинов сделал вид, что пишет в блокнот.

— А у меня — по географии, — подсуетилась Вероника. Вот Вероника, кажется, могла бы и без пятерки по географии добиться этой высокой чести. Она очень красивая, высокая, с длинными волосами и королевской осанкой, как говорит моя мама, когда стучит меня по спине и велит не горбиться.

Так вот с шуточками все предметы и распределили. Нам с Машей места, конечно, не нашлось. Ну не очень-то и хотелось, хотя было немного обидно, что нас как будто вовсе нет, хотя вот мы, рядом, в той же очереди стоим.

А теперь получилось, что я заняла законное Вероникино место. Но я же не виновата, в конце концов, я об этом не просила. А все равно как-то неудобно. Я тут же стала говорить, какой идиот этот новый географ.

А с Логиновым сидеть — ну... прикольно. Хотя ничего особенного.

Он высокий, на вид очень взрослый. Волосы у него длинные и кудрявые. Мне нравятся длинные волосы у мальчишек. Если только это не грязные прямые патлы и не хвостик. Кудрявые длинные волосы — это красиво, ему идет, во всяком случае.

Я совершенно не знала, о чем с ним говорить. Хорошо, что это урок, а не свидание. Вот дали самостоятельную работу, вроде как говорить даже запрещено. Сажу, смотрю на его руки, как он достает карандаш из пенала. На левой руке у него ногти коротко подстрижены. А на правой — длинные, и под ними грязь. Он увидел, куда я смотрю, и говорит так шепотом:

— Это для гитары.

Точно, он же на гитаре играет. Я смутилась, как дура, что он видел, что я смотрю на его руки.

А теперь Вероника звонит, выпытывает, о чем мы говорили. Да ни о чем. Потом он спросил, что я в пятом вопросе написала, я ему подвинула свою бумажку, а он мне — свою. Потом, когда мы сдали работы, он мне показал фотку своего кота. То ли мама ему прислала, то ли брат. Наверное, все-таки мама. Там была подпись: «Мотик, привет от Котик!» А кот прикольный: толстый, серый, лежит и лапку вытянул, как будто машет.

Надо же, его Мотиком называют, я бы никогда не решилась его назвать даже Мотей. И никогда бы не показала такую эсэмэску от мамы, с домашним именем. Он сказал, что у них дома три кота. У них

даже специальная группа есть в Ватсапе для фоток этих котов. Он мне еще несколько показал, где они все вместе на диване валяются и как рыжий в раковине спит. Ну, в общем, он ничего. Но записываться в его фан-клуб я не хочу.

А Веронике я сказала, что мы самостоятельную обсуждали, про кота я не стала рассказывать почему-то.

Потом смотрю — я пока говорила, весь чертеж в тетрадке по геометрии изрисовала! Есть у меня такая привычка, когда я по телефону говорю, или думаю, или музыку слушаю, я рисую всякую бессмыслицу, какие-то абстрактные фигуры. Обычно где-нибудь на листочке, а тут прямо в тетрадке! Придется страницу вырывать.

А тут еще мама пришла и начала:

— Что это за амебы у тебя, ты математику делаешь или что?

И в этот момент у меня прямо щелкнуло в голове! Бывает, писателям их сюжеты приходят во сне, кто-то в газете полицейскую хронику прочитал и детектив придумал. Не знаю, придумывал ли кто-то в истории книгу, делая домашку по геометрии. Может, я буду первой.

И за амебу спасибо, мама! Мне это слово пригодится.

Я скорей вырвала листок, хорошо, что тетрадка еще до середины не дошла. А на следующий день после школы купила себе новую, с надписью «Геометрия», на сорок восемь листов. Нам в таких толстых писать не разрешают, а то учительнице их таскать тяжело. А вот для книги — то что нужно!

Книга

Где-то далеко-далеко, за бумажными горами, за плоскими морями, за линиями рек раскинулась земля, или поверхность, — страна плосков, или страна фигур, под названием Папира.

Жители ее были, с нашей точки зрения, плоскими, двумерными, как будто нарисованными на бумаге, а с их точки зрения, они были нормальными, двумерными, как все в их стране, существами.

Жили там квадраты и треугольники, трапеции и пятиугольники. Каких только фигур не было! И правильные равносторонние, и кособокие многоугольники, и круги, и полукруги.

Каждый имел свою форму. Иногда она менялась, но обычно годам к восемнадцати, то есть к совершенно-по-нашему-летию каждый плоск приобретал устойчивый вид, который был зафиксирован в его паспорте, и без крайней необходимости его не менял. Бывало, конечно, под влиянием сильных эмоций какой-нибудь квадрат раздуется чуть ли не в круг или треугольник прогнется своими гранями от страха, но уважающие себя плоски такого обычно себе не позволяли. А если подобное и случалось, старались скорее о таком позоре забыть.

Это касалось устойчивых членов общества, которые иначе именовались фигурами. Были еще амбии — существа бесформенные, неуважаемые. Иногда они пытались «держать форму», но обычно было видно, кто перед тобой: истинный квадрат или треугольник по рождению — или много о себе возомнившая амбия. Стоило толкнуть такую в бок, и от ее строгих форм не оставалось и следа.

Фигуры прекрасно бы без них обошлись и жили бы в стройном своем порядке, если бы эти глупые бесформенные амбии не были бы им так нужны. Но, как назло, для ощущения полноты каждой фигуре нужна была своя амбия. Найдя такую, устойчивый плоск предлагал ей найти убежище внутри него, конечно скрепив свои отношения в мэрии. После этого амбия пропадала для внешнего мира, а фигура начинала лучиться «полнотой» и надевала опознавательный знак, что она в прямом смысле несвободна. Значит, середина ее, сердце или что там у них, было уже занято.

Маленьких амбий пугали разными проходимцами, которые, вскружив голову доверчивым крошкам, заманивали их внутрь, предлагая не вмешивать мэрию в их высокие отношения, и, как сказали бы у нас, с тех пор их никто больше не видел. Но это неверно. Амбий вообще после «вступления» обычно не видно, но по косвенным признакам можно догадаться об их присутствии. А тут — никто об этих обманутых бедняжках больше и не слышал.

Что там происходило внутри фигур, как развивались их отношения, до последнего времени никого не интересовало. Известно было лишь, что от таких союзов появлялись новые фигуры, которыми семьи по праву гордились, ну или амбии — к немалому смущению родителей.

Интересно, что у них там с религией было? Наверное, они поклонялись богу Евклиду.

Очень удобно: можно делать вид, что делаешь геометрию, а в это время придумывать книгу. Даже жаль, что за мной никто не следит.